

*Татьяна
Мажорина*

Мастерам

рисунка и кисти

посвящается...

Альгаир
Ростов-на-Дону
2019

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

М 13

Мажорина Т. А.

М 13 Мастерам рисунка и кисти посвящается: Стихи. –
Ростов н/Д: Альгаир, 2019. – 80 с.

Книга Татьяны Мажориной – это прежде всего восприятие художественного образа, создаваемого мастерами рисунка и кисти, через поэтический. Картины художников и стихи, посвящённые их творчеству, располагаются не по алфавиту или определённым темам, а в хронологическом порядке. О каких-то картинах автор пишет стихотворения, пытаюсь как можно глубже проникнуть в замысел художника, предварительно ознакомившись с искусствоведческой позицией, с историей написания картины, эпохой, в которой жил и творил художник, а где-то складывается чисто личное восприятие образа и ничего более. Что получилось – судить читателю. В конце книги размещены краткие справочные материалы о художниках, как широко известных, так и о современных живописцах.

ISBN 978-5-91951-540-1

© Мажорина Т. А., 2019

© Альгаир, 2019

Великие мастера живописи

Триптих. Прощание с Пушкиным

Ты был богов орган живой.
Фёдор Тютчев

1

У дома Пушкина на Мойке
Народу – попросту не счастье:
Здесь пеший люд – там сани, тройки...
Прискорбная постигла весть:
Не стало русского поэта –
Любимца муз, любимца света.
В скрижали памяти пал век,
Валил густой и мягкий снег...
Все молча шапки снимали,
И болью полнилась толпа
На плач, стенания скупа,
Застыла в горести-печали.
Спускался вечер над Невой,
Затих «богов орган живой».

2

Глухая ночь. Несутся дроги,
Везут творца в последний путь
По мёрзлой, в рытвинах, дороге.
Прикрыт соломой как-нибудь
Гроб, что рогожею обёрнут,
Слуга – за ним, судьбе покорный.
Промёрзший тракт, кругом пустырь.
Им – в Святогорский монастырь.
Могилу рыть почти что сутки
Пришлось до сумерек, до звёзд.
Стекал со свеч слезами воск.
Мозоли – в кровь, устали жутко.
– Покойся с миром, наш Поэт,
Твоим твореньям смерти нет.

3

Нас разделяют два столетия...
Поэзии смакую мёд
И ощущаю некий трепет,
Когда строка в полон берёт.
Прижмёт тоска – иду в музей я,
У полотна стою, не смея
Глаз отвести. На нём – Поэт*.
Он смотрит вглубь сквозь призму лет...
Одет изыскано, по моде:
Роскошный плащ и в клетку шарф –
Шотландский байроновский шарм.
Раскован, дерзок, благороден.
Стою, дыханье затая –
Он – Муза вечная моя!

* Прижизненный портрет А.С. Пушкина, написанный Орестом Кипренским в 1827 г.

Миг движения

По картине Карла Брюллова «Всадница»

Любимая женщина Карла Брюллова
Портрет заказала воспитанниц юных.
К нему возвращаюсь я снова и снова:
Будь то ипподром – ликовали б трибуны.

На полном скаку осадив вороного,
Вернулась с прогулки почти что мадонна –
Лицо величаво-надменно. Ни слова
(Копытом бьёт конь у резного балкона).

Застёгнута плотно её амазонка,
Кольшется лёгкая лента за шляпкой.
Сидит грациозно, слегка отстранённо,
Согласно приличиям – в тонких перчатках.

...Лет трёх–четырёх озорная девчонка,
Стремясь уловить миг движения, ветер,
С восторгом и завистью тянет ручонку
(А в кронах деревьев волнуются ветви).

Воздушное платье в цвет розовой пудры –
Мальшка стоит в кружевных панталонах,
И как у сестры развеваются кудри,
Искрит обожанье в глазах удивлённых.

И тут же – собаки. В ошейниках обе.
Владелицы имя блещит на табличках –
То знак, принадлежность к богатой особе.
А вечер загадочен, свеж, поэтичен...

Не оставь, Господь

По картине Павла Федотова «Вдовушка»

В одеянии траурном чёрном
Молодица безмолвно стоит.
Вид заплаканный, обречённый.
Видно – был полицейских визит.

Приходили описывать вещи –
За погибшего мужа долги.
Для вдовы роковой день, зловещий:
Их квартира уйдёт на торги.

За спиной, на комод, икона,
Офицера в мундире портрет...
Скоро должен родиться ребёнок.
Нет отца. И жилья тоже нет.

Скарб нехитрый вместился в корзину.
На полу, у стены – серебро...
Опечатано всё. Жизнь – вражина,
Как рулетка – легла на зеро.

Истлеает душа тонкой свечкой,
Скорбь, отчаянье селятся в ней.
– Дай родиться, Господь, человечку!
Приюти мать под сенью Твоей.

Удачная сделка

По картине Павла Федотова «Сватовство майора»

Обычный заурядный брак –
Таких в России были тыщи.
Кто званье, кто богатство ищет,
Чтоб выжить, коли не дурак.
А дело, в общем, было так:

У каждого – свой крест, свой путь –
Заложники паденья нравов.
Что до любви, то, Боже, правый!
О ней ли речь?! Не обессудь,
Читатель дорогой. В чём суть?

Прошу заранее, прости.
Рассказ мой будет ироничен,
Но светских не лишён приличий.
Невеста, в общем – «не ахти»,
Однако, в теле... и в чести.

Сей отпрыск папеньки-купца
Играет напускную скромность.
Их состояние огромно.
Майор был «пойман на живца»
Не ради красного словца.

Невеста рвётся убежать,
Роняя с плеч вуаль-накидку.
– Голубушка, не так же прытко, –
Вступает в роль купчиха-мать,
Пытаясь дочку придержать. –

Родство дворянский титул даст.
Отставить игры в благородство!
Служивый избежит банкротства,
А нам солидности придаст.
Отец дела вести горазд.

Сюртук никак не застегнёт
Глава семейства. Вот досада.
Тут дама знатная с докладом.
Улыбка на устах, что мёд,
Речь сладкой патокой течёт:

– Жених в настрое боевом
Тотчас изволили-с приехать –
Опора доченьке, утеха.
Признаться, не дурён лицом.
Встречайте, посидим ладком!

Кухарка вынесла пирог.
А за спиной шумит старуха –
Похоже, что туга на ухо –
Ведёт с прислугой диалог:
– Вино не ставь! То зло, порок!

Поодаль рыльце моет кот.
Видать, готовится к приёму:
Обедать знатно будут в доме.
Глядишь – ему перепадёт
От барского стола щедрот.

А гость с улыбкой крутит ус.
Стоит в дверях при форме, шпаге.
Глаз с хитрецей. Не об отваге –
О деньгах думает: – Женюсь
И к сладкой жизни доберусь.

Предметы быта, антураж,
На потолке сияет люстра...
Смотрю – мне весело и грустно –
Художник выписал искусно,
С любовью, каждый персонаж.

Главный секрет

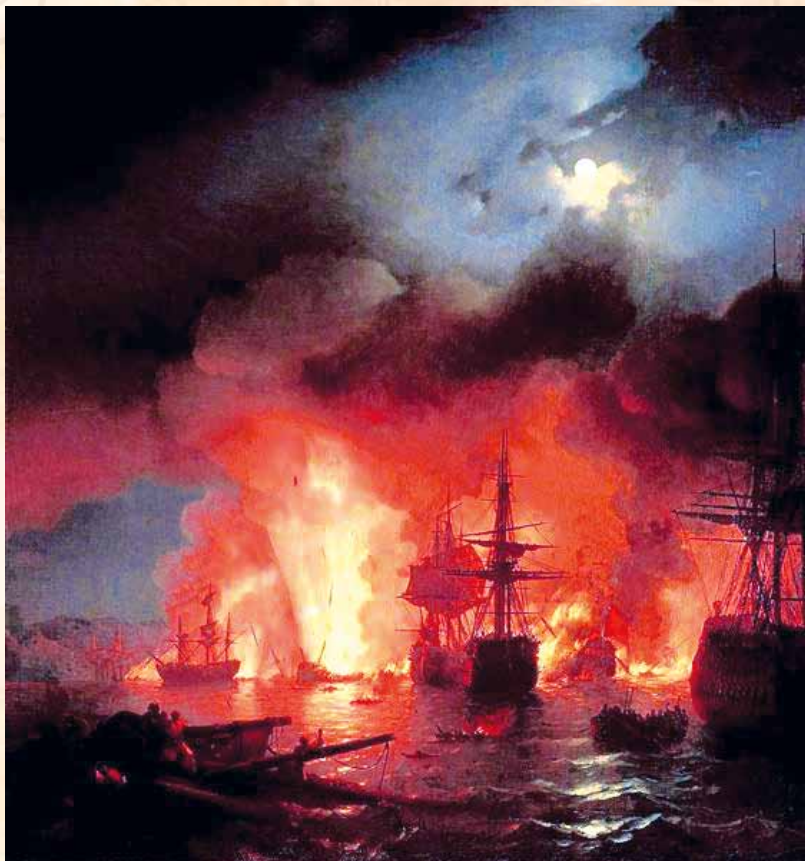
По картине Павла Федотова «Надежда Петровна Жданович за фортепиано»

В платьице скромном, учебном
Смотрит из давних времён
Светлая юность... Зачем-то
Образ от всех отрешён.
Пальцы по клавишам плавно
Двигаются... Моцарт ли, Бах
Душу тревожат? Так славно –
Зорька горит на щеках!
Взгляд не приемлет ненастья.
Чайно-ореховый цвет
Глаз, что распахнуты настезь,
Нежит искусственный свет...
Мастера тайну узнала,
Пусть далеко не эксперт:
Слово «люблю» вслух шептал он,
Тихо садясь за мольберт.
И отступала рутина,
Боль неустроенных лет.
И оживала картина –
С нею – художник, поэт!

Российское отныне будет знамя

По картине И. Айвазовского «Чесменский бой»

И дым, и гарь закрыли горизонт,
И рвётся в небо огненная лава.
Решают спор на море две державы.
Кроит историю здесь Южный фронт.

Пылающий в аду турецкий флот.
Идёт жестокий бой в Чесменской бухте.
Вот-вот мне кажется, что небо рухнет.
Того гляди – поглотит бездна вод.

Барахтаясь в воде, хотят спастись
Остатки уцелевших в жутком пекле.
От страха, ужаса – почти ослепли:
Пускай в плену, пусть жалкая, но жизнь.

Гнетущий, безысходно-мрачный цвет.
Владычица морей холодным глазом
Взирает равнодушно: сгинут разом.
Не встретить им предутренний рассвет.

Десятки лет они вели войну
За право обладания морями.
Российское отныне будет знамя!
Здесь русским кораблям торить волну.

Эпизод на Северной войне

По картине И. Айвазовского «Пётр I при Красной горке»

Скалистый берег, вспышки молний
Пронзают небо грозное.
Ревущие со стоном волны
Готовы всё смести живое.

Балтийский флот, Петром возвращённый,
Застала грозная стихия:
В заливе Финском разъярённо
Губила буря мощь России.

Свирепый ветер волны вздыбил,
Рвал паруса, корёжил мачты,
Кидал эскадру на погибель.
А нужно выжить. Не иначе!

Царь Пётр с одним лихим матросом
Сумели к берегу причалить,
Преодолеть толчки, торосы.
Зажгли костёр. Путь освещали.

Фигурки их на мрачном фоне
Едва видны, но будет Выборг...
Пусть шторм беснуется и стонет,
Победа с ними – сделан выбор!

Стихия и Пушкин

По картине Айвазовского «Прощание Пушкина с Чёрным морем»

Невольно люблюсь картиной,
Могуществом водной стихии,
Где море и небо едины,
А люди ничтожны, бессильны.

У берега мощные глыбы –
Безмолвные, дикие скалы –
Поведать потомкам могли бы
О думах поэта в опале.

Подальше от царского гнева
Вновь пела заря вдохновенья,
И черпал поэзии невод
Росточки бессмертных творений.

Тоскою по Крыму наполнен,
Прощался он с морем, как с другом,
И яростно пенились волны,
И бились о камни упруго –

Всё выше и выше, свирепей!
Открыт он пред натиском бури
(в пейзаж Айвазовского Репин
Поэта добавил фигуру).

С безудержным морем на равных –
Поэзии русской Светило.
Влюблённый в стихию, по праву
Стоит, равнозначен ей в силе.

Вижу дорогу я зимнюю узкую

По картине Алексея Саврасова «Зима»

Сосенка справа, совсем худосочная,
А перед ней – два засохших ствола...
Слева берёзки, как сёстры молочные,
Жмутся друг к дружке, надеть бы сорочки им,
Холодно, муторно, жизнь не мила.

А между ними дорога полоскою
Узкою тянется, знать бы куда...
Грязная, хлипкая, с виду неброская.
Русская грусть через край здесь расплёскана,
Кажется – рядом таится беда.

Небо тревожное, иссиня-чёрное,
Тяжестю давит на хилый лесок
Да на дорогу, почти обречённую –
Ту, что влачится – кривая, никчёмная...
Смотришь – и в сердце сквозит холодок.

Нет зимы, которая бы не кончалась

По картине А.К. Саврасова . «Зимний пейзаж. Оттепель»

Золотистое небо – во весь горизонт –
Излучает сиянье в округе,
Словно кто-то раскрыл удивительный зонт –
Позабавить село на досуге.

«Домовитые» избы» – по струнке, в рядок –
Восторгаются сказочным небом,
А из труб, из печных, тихо вьётся дымок,
Призадумались крыши под снегом...

Через поле – речушка и шаткий мосток,
Только-только ледок подрастаял...
Дышит радостью Русь, а небесный платок
Разукрасили птицы по краю.

Кинешь взгляд: однотонно, пустынно везде,
Только – снежно-молочные пенки.
Вышли двое... Идут по тропинке к воде.
Но всмотришь, как играют оттенки!

Отчужденье и холод теперь не страшны,
Сколь бы после зима не ярилась –
Ожидает село наступленье весны:
Пробужденье – великая сила!

Дилетант

По одноимённой картине Василия Перова

Сидит художник в мастерской
В вальяжной позе пред мольбертом.
Осознаёт себя экспертом:
Палитра, кисти под рукой.
Доволен, даже горд собой.

Что за картина – блеск, шедевр!
Пусть не закончена, но всё же...
– На гениальность так похоже! –
Жена промолвила, подсев.
И тут включился «подогрев».

С младенцем, спящим на руках,
Давай рассматривать творенье,
Хвалить до умопомраченья,
Как будто смыслит в тех делах,
А мастерская-то впотьмах.

Но вирус лести вглубь проник!
Свет ниспадает им на лица.
Успех! Признание всюду мнится.
Высокомерен муж, велик,
А в деле – ноль иль просто «пшик».

Висят на стенах вкривь и вкось
Его нелепые картины:
Лепечут, щурятся с вершины:
– Каков талант! И... понеслось! –
Он их создатель – в этом гвоздь.

Надолго ли?

По картине Василия Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом»

Юная девушка тонкая, стройная –
В скромном платочке и платье коричневом,
Доброму молодцу пара достойная –
Славная, робкая и симпатичная.

Что за нужда тебя, девица милая,
В дом привела ненавистный купеческий?
Что же ты голову вниз опустила-то?
Некому встретить тебя по-отчески?

Кто его знает, какие здесь правила...
Шторы расшитые, кресла добротные...
Скарб свой нехитрый под дверью оставила –
Вдруг охватила тоска безотчётная.

Что ты печалишься, нежная горлица?
Может, осталась совсем без родителей?
Что же ты молча стоишь по средь горницы
И теребишь аттестат свой учительский?

Вышло семейство мещанское сытое:
Тучный хозяин в халате малиновом
С похотью смотрит, почти неприкрытою,
Сзади – хозяйка с ухмылкой змеиною.

Высокомерно, враждебно настроена.
Дочери смотрят немного испуганно.
В позе развязной сынок. Ехать стоило?
Долго ли выдержит? Эх, будет туго ей...

В лунном сиянии

По картине И. Крамского «Русалки»

Майская ночь опустилась над берегом,
Густо поросшим бурьяном да вереском.
Брёвна, коряги... Почти что по Гоголю:
Дикое место. У чёрта, у Бога ли...

Выше – усадьба с забытыми окнами...
Девицы вышли... распущены локоны.
Стынь от пруда, тянет сыростью, холодом:
В нём загубили звенящую молодость.

В лунном сиянии лица печальные:
Не довелось им кольца обручального
В церкви надеть от любимого парубка,
Выйти счастливой семейною парюю.

В белых рубашках фигурки утопленниц –
Сели напротив роскошного тополя.
Боль одиночеств застыла в молчании...
Дремлют кувшинки под лунным сиянием.

След не оставят русалки бесплотные,
Канули в вечность тревоги их, хлопоты.
... Лес непроглядно-дремучий и тёмный –
Мрачный свидетель судеб обречённых.

Боярышня

По одноимённой картине Константина Маковского

На портрете – боярышня юная –
Сам художник деяньем любится.
Взгляд невесел. О чём призадумалась?
Не прельщают гулянья на улице?

Расписная рубаха, что в праздники
Припасают для важного случая:
Зарукавья, расшитые мастерски,
Жемчуга, ожерелия лучшие...

Впечатляет особая красочность
Одеяния в русских традициях.
Ей бы с парубком впору отплясывать,
Чтоб огонь полыхал да на лицах их.

А она почему-то печальная –
Раскрасавица, ладная, статная.
Может, скоро в дорогу ей дальнюю?
За нелюбого, может, засватана?

Что за мысли сердечко разумное
Омрачают? Не выбор ли батюшки?
Коль послушаться дева задумает,
То простит ли родимая матушка?

Серебрится кокошник на девице,
Вплетена в косу лента атласная...
Правда – нет ли, что всё перемелется?
Дочь боярина будет ли счастлива?..

Одинокая нота

По картине Клода Моне «Сорока»

Заснеженный сельский пейзаж,
Написанный таинством света.
Плетень, покосившийся с лета...
И прост и непрост антураж.

Влечёт светотеней игра,
Явь полупрозрачного цвета
В замедленном стынет сюжете.
Колючий морозец с утра.

Кругом тишина... Ни души.
Калитка стара, кривобока,
На ней примостилась сорока:
Сидит – улетать не спешит.

Мазок... иль художника блажь?
Нахохлившись, вполоборота –
Грустит одинокою нотой,
Как будто виденье... мираж.

Поодаль деревьев рядок
И дом, где тепло и уютно.
Быть может, играют на лютне,
И чей-то звенит голосок...

Тихонечко дверь отвори
В мир чувств, что так бережно соткан,
Эмоций, что дарят полотна –
Тепло разольётся внутри.

Перед грозой

По картине Архипа Куинджи «На острове Валааме»

С неба льётся свет серебряный,
Каменистый берег радуга
Переливами недолгими.
Речка мелкая студёная,
Сплошь поросшая осокою,
В лоно Ладоги направилась,
Чтобы слиться в единении,
Прошептать слова заветные,
Растворясь в огромном озере.

По-над речкой чайка носится –
Белокрылая охотница,
Корм добыть бедняге надобно.
Слева небо предзакатное –
Розовато-тепловатое
Переходит к дымно-сизому
И – к густому тёмно-серому.
Нависают по-над озером
Грозовые тучи хмурые...

Два высоких тонких деревца,
Пробираясь сквозь расщелины,
К свету северному тянутся.
Это сосенка с берёзкою
Украшают место дикое –
Берег голый, неприкаянный.
Впереди – ещё две парочки
К лесу тёмному направилась,
Будто в нём и есть спасение
От грозы, что надвигается.

Разразятся гром и молнии,
А они – незащищённые,
Непогоду встретят парами –
Каждой веточкой трепещущей.
Вместе выстоят и выдержат
Натиск бури разрушительной.
Такова природа Севера –
Необузданна, вынослива.

Молитвенная сходит тишина

По картине Архипа Куинджи «Лунная ночь на Днепре»

Иллюзия мерцающего света,
Чуть тёплый, красноватый тон земли...
Фангастика! Находка для поэта!
Магическим сияньем приросли

Холодно-серебристые оттенки
Ожившего под кистью полотна.
Хозяйка ночи ласково, по-женски,
Льёт свет на Днепр – похоже, влюблена

В его спокойно-сонное дыхание
И в контуры соломой крытых хат...
Кузнечиков не слышно стрекотанья
И пения назойливых цикад.

И небо удивительно бездонно,
Насыщенное воздухом сполна.
Смотрю я на картину восхищённо.
Молитвенная сходит тишина...

Похищенные царевны

По картине Виктора Васнецова «Три царевны подземного царства»

Нагроможденье тёмных скал
В сторонке чуждальной.
Закат коварно полыхал
На небе на печальном.
Косяк из мрачных облаков
Усугублял тревогу.
Царевен трёх – безмолвный зов
Молил и ждал подмогу...

– Кто вас похитил, царевен прекрасных?
Дух ли нечистый иль коршун-злодей?
Кто затуманил очей ваших ясных
Свет, что каменьев и злата сильней?

О доме брошенном, тоска
Занозою застыла.
Несчастных доля нелегка,
Богатство им постыло.
Но отношение к судьбе
У всех троих разнится.
Дух русский не сдержать в узде:
Вглядитесь-ка в их лица.

Смотрит надменно сестра «Золотая» –
Гордый, холодно-презрительный взгляд.
«Медная» – проще, живее, мечтает...
Обе надели шикарный наряд.

Но «Угольной» царевны вид
Раним и беззащитен –
Растеряна, душа болит –
В ней ужас – не взыщите.
И платье чёрное на ней
И руки опустила.
Иван-царевич там на дне –
Могла б – заголосила:

– Любый, очнись! Мы средь скал, что на дыбе.
Лживы твои оказались братья:
Бросили в яме тебя на погибель.
Нам же – неволя... худые мужья...

Ковёр-самолёт

По одноимённой картине Виктора Васнецова

Рано-ранёшенько. Ширь неоглядная.

Стелется низко туман...

Мчится по небу кометой нарядною

Юный царевич Иван.

Речка ленивая катится сонная.

Чахлах деревьев рядок.

Тишь и уныние... Небо бездонное,

Месяца серп одинок –

Тонкий, изящный... за облачком прячется,

Смотрит – и в толк не возьмёт:

– Что за диковинка мчится ли, скачет ли?

Чудо-ковёр-самолёт?!

Древними кельтскими рунами вышит он,

Сочен его колорит,

А по краям – будто крылья кольшутся.

В центре – царевич стоит.

Сколько прошёл испытаний? Неведомо.

Гордый, уверенный взгляд...

Скоро рассвет – он вернётся с победою.

Совы – напрасно летят.

Держит он клетку

с прекрасной Жар-птицею –

Цвет неземной красоты!

Может, в невесту она обратится, и

Станет их мир золотым?..

Небо светлеет... едва розоватое.

Вспыхнет – и солнце взойдёт.

Нечисть – повержена, в щели попряталась.

Мчится ковёр-самолёт.

Мгновенье встречи

По картине Ильи Репина «Не ждали»

Кого не ждали? Мужа? Сына? Брата?
Картина помнится со школьных лет.
Народовольцам был? Примкнул когда-то?
Остался недосказанным сюжет.

В их группе состоял? Я, думаю, навряд ли.
Амнистия в тот год быть не могла.
А что сочувствовал – как раз понятно –
Слабее правосудия метла.

Растерян, сдержан. Примут ли родные?
Жива ли мать? Отец? Был долгим путь.
Армяк потрёпан, сапоги худые.
Кора сомнений расpiraет грудь.

Впустила в дом с опаскою прислуга –
Недавно, знать, работает в семье.
Малышка дочь во все глаза, с испугом,
Смотрела на пришедшего в рванье.

Жена застыла молча у рояля:
Удивлена, напряжена, а взгляд
Лишь подтверждает – ссыльного не ждали.
Сын-гимназист с восторгом смотрит, рад.

Рванулась мать, но оперлась на кресло,
В платочке чёрном. Значит, бати нет.
Частит сердечко. Нет. Нельзя так резко.
А на стене – Некрасова портрет.

Всё как тогда: Тарас Шевченко в рамке,
Царь Александр на смертном на одре...
Мгновенье – сын воскликнет:
– Здравствуй, мамка!
Родная, обними меня скорей!

И тешилось варварство в мире господ

По картине Василия Polenova «Цезарская забава»

Мне жутко представить подобное зрелище,
Но это забава из древних времён.
Такого не встретишь и в страшном бестселлере.
Жестокие нравы. Любой потрясён,

Увидев застывшую в ужасе женщину.
В разорванном платье, прижавшись к стене,
Стоит горемыка. Там тигр в напряжении –
Не скрыться, не спрятаться – смерть в западне.

Оскалив клыки, зверь готов к нападению,
А жертва стоит ни жива ни мертва.
И сил в ней осталось всего на мгновение –
Вживую порвёт, знать, судьба такова...

А сверху балкон. Светит солнце, смех зрителей...
Лишь Цезарь по статусу мог содержать
Забаву такую для римских патрициев.
Могли ль по ночам кровожадные спать?!

... Так слуг нерадивых казнили умышленно,
И тешилось варварство в мире господ.
Кошунство, невежество праздностью вышито.
С тем в новую эру вступает народ.

Фортуна, увы, здесь бессильна

По картине Василия Сурикова «Меншиков в Берёзове»

Ближайший соратник, сподвижник Петра,
Его фаворит, коль по сути.
Интриги плести мог искусно вчера,
А нынче – и сам стал подсуден.

Невиданной власти, богатства достиг
И титул Светлейшего князя,
Но вдруг оказался в тенетах интриг
И рухнул из князя да в грязь он.

Талантливый, умный сидит за столом
В избе деревенской, в тревоге.
В нелёгкие думы с лихвой погружён:
Скончалась жена... по дороге...

Своими руками семью загубил
Невольно, хоть был он при власти.
А выживут дети? Достанет ли сил?
Лишились всего в одночасье.

Закуталась в траур Мария. Бледна.
Не будет с царевичем свадьбы...
К отцу прислонясь – ни вдова, ни жена,
Что жить опостылеет, знать бы.

Могла ведь голубкой порхать на балу
И даже – стать императрицей...
Пусть тёплая шкура лежит на полу –
Блестящая жизнь только снится.

Неверно сказать, что они в нищете:
Богатая скатерть, иконы...
Понятно, что тесно – «хоромы» не те –
И век не видать ей короны.

Сынок Александр безучастен лицом,
В раздумье свечу созерцает.
А младшая дочь – тёзка брату, пред сном
С надеждой им книгу читает.

Вползает в оконце неласковый свет,
Печально взирает на ссыльных.
Лишь Богу известно: им выжить иль нет.
Фортуна, увы, здесь бессильна.

Навстречу счастью

По картине Михаила Врубеля «Царевна-Лебедь»

Поверх пучины вполоборота
Царевна-Лебедь стоит безмолвно.
Ей шепчут сагу морские волны,
А в мыслях девы – далёкий кто-то...

Бездонный взгляд из другой вселенной.
Глаза-колодцы – сквозит тревога
(неясность, мистика... боль... немного),
Но притяжение к ним – мгновенно.

О ком грустишь ты, Царевна-Лебедь?
Что хочешь тайное нам поведать?
В подводном царстве лелеять беды
Иль птицей белой кружиться в небе –

Коварно-тёмном, как даль морская?..
Не видишь, милая, чудо-остров?
Там жизнь степенно течёт и просто,
Огни в окошках тепло мерцают.

Расшит алмазами твой кокошник:
Холодный цвет серебристо-белый.
Лети скорее! Да будь же смелой!
Ты так несчастна и так роскошна!..

Навстречу счастью стремись, родная.
К чему печали, тоска-кручина?
Томиться Лебедью нет причины –
Там светлый князь, там любовь – я знаю...

Надежда эпохи

По открытке Александра Лаврова «Паренёк-артиллерист»

Совсем мальчишка, как герой,
Стоит у пушки, со снарядом,
В фуражке, в форме полевой,
С улыбкой, будто на параде.
Отважен, смел артиллерист,
Уверен, крепок духом, молод.
Не ведает – в окопах тиф,
А в армии – снарядный голод.
Сарыкамьш* не брал солдат,
Не мёрз в окопах, не был вшивым
(От Припяти и до Карпат

Гуляла смерть, полки косила).
Не знал про хлор и про иприт,
Не плавился в огне Вердена,
Но дух поднимет, победит,
Врага он сломит непременно.
Открытка Первой Мировой –
Надежда, вера той эпохи.
Посмотришь – всё не так и плохо:
Народу нужен был герой,
Чтоб мир спасти от катастрофы!

* В декабре 1914 – январе 1915 русская Кавказская армия остановила наступление третьей турецкой армии

Вперёд, пехота!

По открытке Александра Лаврова «Солдат-пехотинец»

Вперёд, пехота – шире шаг!
Как весел и юн победитель!
Несёт штандарт. Повержен враг!
Весь мир приветствует спаситель.
Идёт в потёртых сапогах,
А на плече – шинелька-скатка.
Солдат-герой – неведом страх.
Российский парень – есть загадка.
Освободитель всей земли,
Поборник мира – так считали,
На рушниках хлеб-соль несли.
А помнят ли сейчас? Едва ли...

Февраль, как коршун, налетел,
Сметая злыми крылами
Победы праведное знамя,
А дальше – вовсе беспредел.
В разгаре бойни мировой,
Мир заключив позорный в Бресте,
Ушла с поклонной головой
Россия... но достоин чести
Солдат, что жизни не щадя,
Мир защищал по воле рока.
Отныне – раз и навсегда
Исчезла старая Европа...

У монастырской стѣны

По картине И. Левитана «Тихая обитель»

Величавость, размеренность, тихая грусть,
Монастырь, утопающий в зелени.
Через речку мосток... Покаянная Русь:
Широты и раздолья не меряно.

По одной из тропинок я к храму пройду,
Чистоты чтоб духовной коснуться,
Благодати отпить, быть с душою в ладу,
Чтобы в мир просветлённой вернуться.

У стѣны постою. Здесь особая жизнь:
Без мирской суеты, лицемерия.
В кельях – лики икон, нет коварства и лжи.
Состраданье, прощенье, доверие...

Зачинается день. Робкий солнечный свет.
Купола... и кресты золочёные...
Погружаюсь безмолвно в суть прожитых лет
И молитву шепчу потаённую.

Тишина и спокойствие льются кругом.
Облаков розоватое кружево
И деревья – стеной. Смотрят в речку, тайком.
В созерцанье глубинка погружена.

Великий реформатор

По картине Валентина Серова «Пётр I»

По зыбкой насыпи, уверенно,
Широкой поступью победной
Шагает царь. Знать, здесь намерен он
Построить град на зависть шведам.

Болота судорожно пьются,
Навстречу – ветер, хлад до дрожи.
Благоволят его «чудачествам»,
В плащи закутались вельможи:

Идут, согнувшись в три погибели.
Денщик с царёвой треуголкой
Спешит след-в-след за повелителем,
И свита – следом, втихомолку.

Петра напор, накал энергии
Сметают древние устои.
«Работный люд» под плетть имперскую
Столицу будущую строит.

Суда военные, торговые
(Размах, простор необычайный)
Стоят смиренно, пришвартованы.
Зовут, зовут их к морю чайки!

Народ, пусть худо-бедно – селится,
Пустынный край обжить готов он.
Пьёт воду из Невы корова...
Перетирает судьбы мельница...

Игла собора светит золотом
Над своенравною рекою
С другого берега... Легко ли
Быть государем, коли молод он?

Древний ужас

По одноимённой картине Бакста

Неистовая водная стихия
Разверзлась, Атлантиду превращая
В легенду-миф утерянного рая,

Где Бога сыновья – юнцы лихие –
Сошли с небес на чудо-остров к девам
(Конечно, согрешили). Ну и... где вы?

Заблудшие потомки Посейдона
В пучине океана исчезали.
Останется ли кто в живых? Едва ли...

Глубокий ужас. Ад крошечный. Стоны.
Над хаосом – богиня Афродита
с улыбкой нежной, будто в ней защита,

Смотрела, как идут под воду храмы,
Голубку мира к сердцу прижимая –
Величественно-гордая, немая –

Без тени сострадания, на драму.
Тьму рассекали молнии зигзаги,
Тонули полубоги-бедолаги...

Смотрю картину, пальцы жму до хруста,
Чтоб совладать с волнением... и что же?
Глаза закрою – вновь мороз по коже...

Погибло всё, но только не искусство,
Что катаклизм, бурям неподвластно:
Оно непобедимо и прекрасно!

Куклы как люди

По картине Александра Бенуа «Китайский павильон. Ревнивец»

Причудливый китайский павильон,
Рубиново-сияющие стёкла.
Густая синева. Спит водоём:
В нём отраженья звёзд совсем промокли.

Реальность? Декорации в ночи?
Сияет, будто сказочный фонарик.
Возможно, в нём мелодия звучит...
Какой волшебник вылепил сценарий?

И нежится свиданий островок,
Что затерялся меж двумя мирами.
А в киновари чудится Восток,
И кавалер лепечет что-то даме,

Придерживая бережно рукой
Её – принцессу в длиннополой шубке.
В их душах разливается покой,
А мир вокруг загадочный и хрупкий.

Поодаль – силуэты двух гондол,
А у окна – обманутый, наверно.
Он «при параде», но растерян, зол –
С подругой обнимается соперник.

Стоит ревнивец, нет на нём лица,
Бормочет: – Вот наглец! Целует в губы!
... Вдали тускнеют контуры дворца,
И ночь тихонечко идёт на убыль.

А тени в павильоне мельгешат.
Быть может, куклы? А, быть может, люди?
И ссорятся, и мирятся, и любят,
Лишь подтверждая – наша жизнь – театр.

Княгиня на теремной башне

По одноимённой иллюстрации И. Билибина

На далёком на острове, в расписном терему,
Пригорюнилась девица – расскажу почему.
Под шатровую крышею – одиночества лёд.
Молодая княгинюшка плачет, мужа зовёт.

Покрестился на терем он, на головки церквей,
На жену на супружницу, что всех краше, милей.
– Налобиться повенчанным – причитала она –
Помешала негодница, разлучила война.

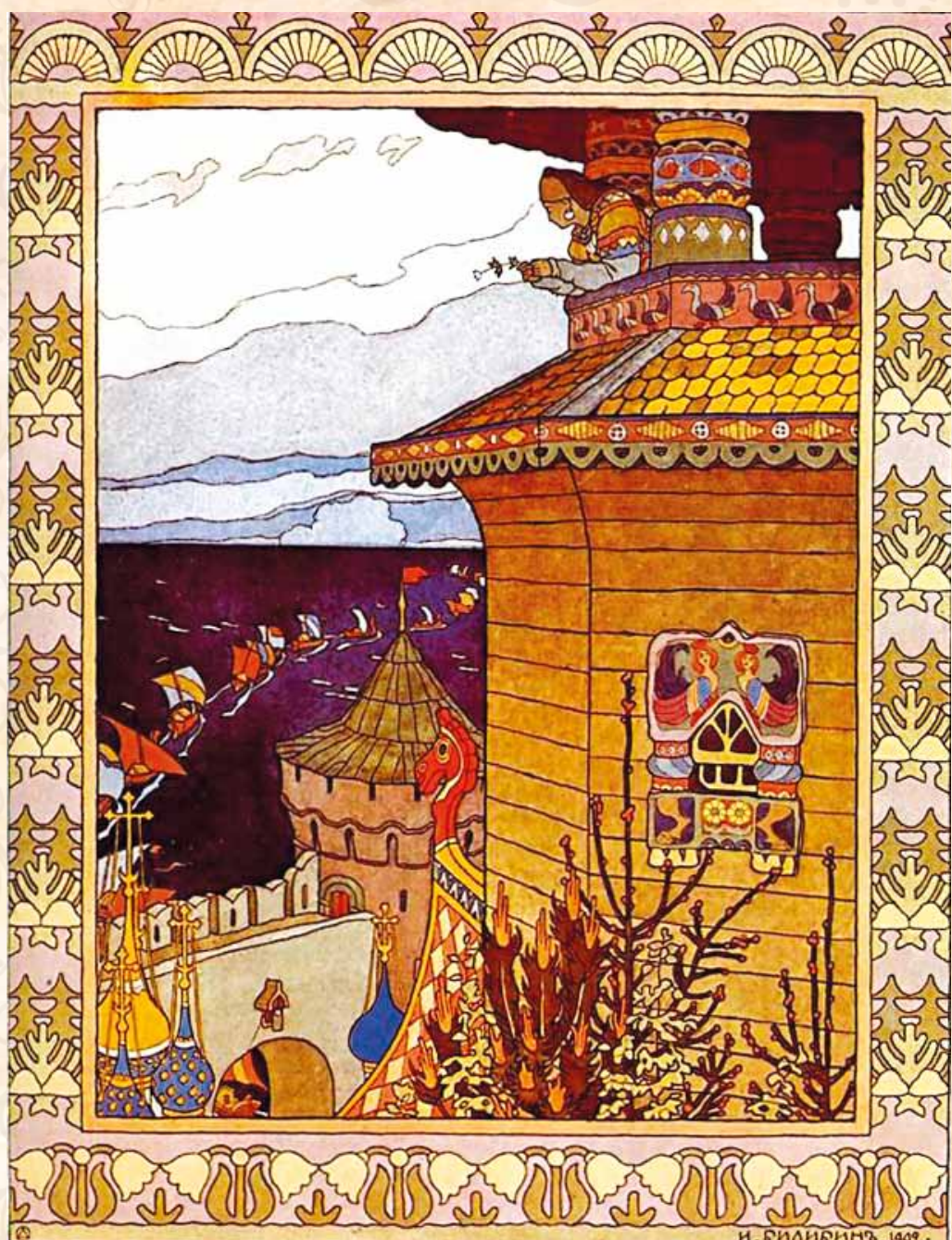
Князь цветочек ей аленький в белы ручки вложил:
– От беды ограждает пусть, коль навеки ей мил.
Терпеливая, кроткая – ангелочку под стать...
А вода в море тёмная, птиц – и тех не выдать.

Смотрит в даль неохватную, провожая ладьи,
Доля-долюшка горькая... Что ни шаг – польньи.
Возвернётся ли лобушка из чужих, дальних мест?
Победит ли он врага? С грустью смотрит окрест.

А цветочек ей аленький говорит: – Не грусти.
И тоску ненавистную из души отпусти.
Глянь, полнеба нахмурилось, а вверху – ясный свет,
Ты потри стебелёчек мой, дам я нужный совет.

Подыми ясны глазоньки и скажи: – Раз-два-три!
Мой подарочек памятный, алым цветом гори! –
Ты не ведаешь, милая, что там ждёт впереди,
Но любовь ваша чистая всех врагов победит.

Веришь? Беды рассеются. Муж вернётся домой,
Скажет: – Жёнушка славная, я пришёл! Я – живой!
Пала рать несусветная в чистом поле во ржи,
Над телами погаными чёрный ворон кружит...

Семейная идиллия

По картине Бориса Кустодиева «На террасе»

Спокойный летний вечерок
В именье «Терем», близ Кинёшмы,
Где правят бал любовь и нежность –
Уютный милый уголок.

С двух лет остался без отца.
Судьба с мальцом не ворковала:
Хлебнули с мамой бед немало,
Снимая флигель у купца.

Теперь сидит в кругу семьи –
Кормилец, муж, отец, художник.
Добротный дом из брёвен сложен.
Здесь лишних нет. Здесь все свои.

Ведёт неспешный разговор
С сестрицею за кружкой чая.
Дочурка, яблочко катая,
Лепечет няне милый вздор.

Глубинки русской колорит...
Сидят за ужином родные –
Красивые и молодые.
Стол белой скатертью накрыт.

А на столе «пыхтит» пирог,
И самовар нагёрт до блеска.
Голубкой бьётся занавеска
Под шаловливый ветерок.

Тепло родного очага
Он ценит, чтит всех благ превыше:
Жену и сына, дочь-мальшку.
Семья как воздух дорога!

Живописцы-современники

Всё будет хорошо

По открытке Лоры Рыбченковой «Новый год 1954»

Щёчки румяные, милое личико:
В нём удивление, радость, восторг.
Держит малыша в бумаге коричневой
Свёрток, коробку, кулёчек цветной,
Зайку пушистого с бантиком аленьким,
Смотрит с надеждою смело вперёд.
Кроха сама, но лопочет: – Мой маленький,
Скоро мы встретим с тобой Новый год.
В небе снежинки кружат невесомые,
Ёлочки вышли водить хоровод.

А за спиною – страна преогромная,
Самый выносливый в мире народ –
Тот, что осилил врага ненавистного.
Девять годков, как минула война.
Раны залечены. Темпами быстрыми
Вновь возрождается наша страна.
Образ ребёнка, как символ грядущего,
Вера в надёжность и в завтрашний день,
В мир, в созидание, ныне живущего,
В городе... в сотнях станиц... деревень...

Время выбрало нас

Фото Давида Рубашевского «Мирный атом»

Время выбрало нас, молодых, одержимых –
В полудикой степи, где гуляли ветра –
Строить город, что станет навеки любимым,
Колыбелью надежды, причалом добра...

Разорвал тишину, птицей взмыл в поднебесье –
Гордость века минувшего, слава, краса!
И, внезапно застыл недопетой песней,
Недосказанной болью.... Скорбят корпуса

По заводу-гиганту, по стройке великой,
По рукам, что умели творить чудеса...
Всё же выстоял, выжил в степи полудикой –
Вопреки всем невзгодам звучат голоса,

И шагает с Россией, не пал на колени –
Символ мирного атома, яркой мечты,
Город юных талантов и смелых решений,
Волгодонск, ты достигнешь ещё высоты!

По велению сердца

Фото Давида Рубашевского «Проспект Строителей в Волгодонске»

Неприметный, ветрами взъерошенный,
Полустанок в степи... колея...
Снежно-серое, стылое крошево...
Занесло ж меня в эти края...

По велению сердца приехала –
Город-спутник позвал, «Атоммаш»!
Только где он? Стою – не до смеха мне:
Март. Распутица. Хмурый пейзаж...

Душ по десять и более в комнатах,
И кроватей двухъярусных ряд...
Стол горбатый и лавки... всё скромно так.
«Знай романтику!», – здесь говорят.

Но, признаться, судьбе благодарна я –
Небывалый предстал мне размах!
Всесоюзная стройка ударная
Поднималась, как хлеб на дрожжах.

Бушевала, звенела, жгла молодость,
И царил созиданья кураж!
В глухомани и в зной и по холоду –
За три дня возводили этаж...

Юный город взметнулся жар-птицею
И взахлёб пьёт рассвет зоревой!
Одуванчики яркими лицами
Тянут к солнышку шлейф золотой...

Много зим, много лет жито-прожито.
Стала родиной эта земля.
Промелькнула косынкой в горошину
Комсомольская юность моя...

Пётр и Феврония

Архитектурно-скульптурная композиция Виктора Николайчика
«Сфера любви» в станице Романовской

А любовь их настигла непрошеной,
Незакатною и несказанною,
Словно чистой слезинки горошина,
Растопила сердцá, окаянная.

Прикоснулась горячим дыханием.
Стали сумерки вмиг краше солнышка.
Польхнуло любви осознание!
Пили горькую радость до доньшка.

Пили всё до последней до капельки
И несчастье, и счастье бесценное –
Даже в простеньком «ситцевом платье» –
Необъятное, будто Вселенная!

Не разрушила зависть боярская
Уз семейных Петра и Февронии.
Их любовь ослепительно-яркая
Согревала сердцá посторонние...

А судьба, то щедра, то изменчива,
Но и в смерти они не расстанутся:
Небом чистым навеки повенчаны,
В нашей памяти живы останутся.

Их фигуры в металле отлитые –
Символ веры, любви и верности,
И голубка доверчиво спит у них
На руках в колыбели из нежности...

Уголок моей России

Слова Татьяны Мажориной

Музыка Григория Дрыжакова

По картине Анатолия Ковалёва «Волгодонские просторы»

Посреди степи ковыльной
Там, где солнце беспощадно,
Где ветра с горячей пылью
Жгут осот, полынь, песчаник,
Волгу с Доном обвенчали,
Чтоб служили человеку,
Чтобы степи орошали
И весной, и знойным летом.

И теперь простор бескрайний
Пёстрой шалью полыхает,
А ромашки – с грустью тайной
По лазорикам вздыхают.
А у берега, у Дона
Шепчутся тихонько ивы:
Разгадали, что влюблён он,
В Волгу-матушку, в Россию.

Город здесь родился славный.
Краше нет – степная сказка!
В нашей жизни стал он главным,
Зорькой вешнею обласкан.
Волгодонском он зовётся –
Наша Родина святая.
Город-порт, о нём поётся,
Я цвести ему желаю.

Город юности нашей

По картине Анатолия Ковалёва «Новый город»

Уснул в степи любимый город,
Расправил плечи от забот.
Строптив душою, сердцем – молод!
Притих, но с нетерпением ждёт
Зари оранжево-багровой.
Густеет трав настой медовый.
Грустит безмолвно Тихий Дон,
«Как много дум наводит он».
Он помнит князя Святослава
И Стеньки Разина челны,
Плотину. И развал страны...
И помнит, как гремела слава,
И лозунг: «Атоммаш зовёт!»
В нём наша молодость поёт.

По взорванной судьбе

По картине Анатолия Ковалёва «Теракт»

Октябрьское шоссе, дом тридцать пять*
Ушёл в небытие в конце столетья.
Он напроочь перестал существовать
По воле кучки нелюдей, отребья,

Решивших, что дозволено вершить
Им судьбы мира злобною рукою.
Но памяти связующая нить
Встаёт подранком над людской бедою.

Кладу гвоздики, год-другой спустя,
У памятника, что на месте взрыва.
Мне чудится: стекло, бетон хрустят
И сыплются трагедией в архивы.

А дыма, пыли – тьма – не продохнуть,
И стоны слышатся из-под завалов.
И трупы, трупы... пред глазами – жуть,
Над горем встал рассвет кроваво-альпий.

... Течёт живой поток... А как иначе?..
Пришли почтить, невинно убиенных.
И дождь, двадцатый год неволью плачет
По их судьбе, их взорванной вселенной.

* 16 сентября 1999 года был взорван жилой дом в Волгодонске, унёсший жизни 19 человек. 89 человек госпитализированы, сотни ранены.

Седьмая симфония Шостаковича

По картине Анатолия Ковалёва «Героическая симфония»

Девятое августа сорок второго*...
Свирепствует голод и город в кольце.
В истории войн не бывало такого:
Бойцов привозили прослушать концерт!

А воздух напитан разрывом снарядов,
Исчерчено небо зенитной стрельбой.
Солдат на мгновенье забыл про блокаду:
К афише припал с просветлённой душой.

Он всё ещё там, в филармонии, в зале,
Симфонии слышал победный аккорд,
Где звуки оркестра как гром нарастают.
Воскрес Ленинград, непреклонен и горд!

Обрушилась звуков лавина. Поток
Лилась из приёмников по проводам:
Исчадием ада – во вражьи окопы –
И ангелом светлым – по избам, домам.

Шокирован мир, напрочь враг ошарашен –
Большой симфонический – на высоте!
Чуть теплится жизнь, но напорист и страшен
Дух русского чуда во всей красоте.

Под гул канонады, горящие люстры
Звучала великая из партитур.
Привстала на цыпочки Площадь Искусства,
Быть может, Рейхстага предвидела штурм?..

* День, ранее обозначенный немецким командованием датой вступления в Ленинград.

Даруйте веру

По картине Анатолия Ковалёва «Рождественское утро»

Который день в душе метёт позёмка,
Метёт позёмка – стужу не унять.
Как по живому рвётся там, где тонко.
Где тонко – там сочится боль опять.

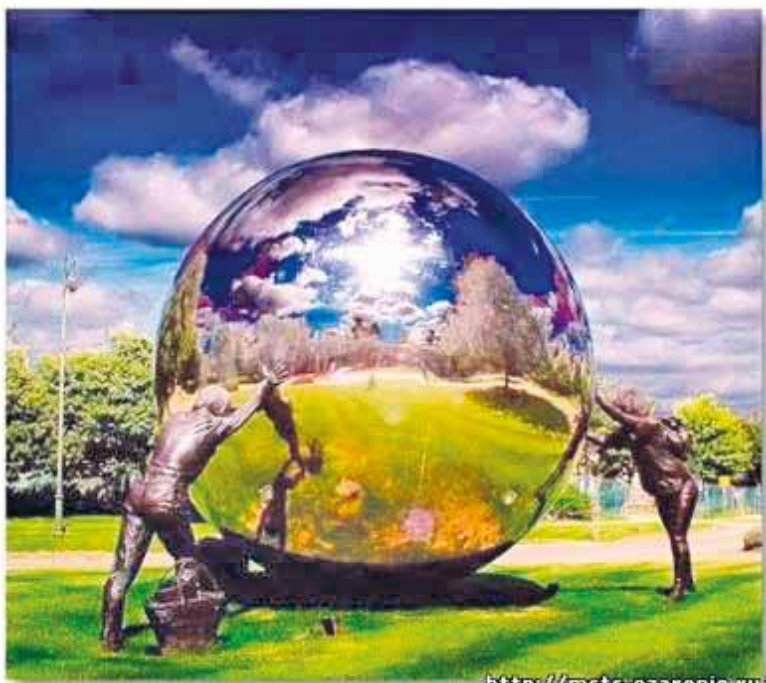
Сочится боль. Опять грущу – не спится.
Грущу – не спится. Вторник ли, среда?
А время мчится, как на колеснице.
На колеснице – мимо, как тогда...

И как тогда... душа дрожит от ветра.
Дрожит от ветра. Тронешь – зазвонит.
Горят-горят меж нами километры.
Меж нами километры, как магнит.

Магнит сердец, что вновь сведёт нас вместе.
Сведёт нас вместе, что ни говори.
Под звон колоколов затаюем песню.
Затаюем песню. Громче, звонари!

Погромче – звонари! Даруйте веру!
Даруйте веру и надежды нить:
Творить, дышать, гореть, любить без меры.
Любить без меры – значит с верой жить!

Диптих. «Спасите души!»

1

«Колосс на глиняных ногах» –
Планета наша.
Качаем нефть. Каков размах!
Земель не пашем.
Стал мир, что хрупкое стекло –
Давно на грани.
А души гарью занесло,
Как поле брани.
Поднялся смог до облаков –
Живое душит.
Спасите, люди, Землю, кров!
Спасите души!
Ведь в наших силах сохранить,
Пока не поздно –
Любви связующую нить
И небо – звёздным.

2

Вижу город серый, блёклый,
А над ним, что меч дамоклов,
Нависают тучи хмуры:
Под стеклом, а как с натуры.
Жуть... Мне чудится Чернобыль,
Взрывом адовым угроблен.
Гнев Небес? За что расплата?
Город пуст. Ничто не свято.
Тишь. Безжизненно и мрачно.
Веет холодом собачьим.
Деревца покрыты пеплом.
Неужели я ослепла?
Неужели жизнь застыла?!
Время тянется постыло...
Лишь окон пустых глазницы.
Стёрты жизни... стёрты лица...
Это свьше глас народу:
– Хочешь жить – храни Природу!

Диптих. К 200-летию Лермонтова

Скульптор Василий Поляков,
архитектор Анатолий Жмакин «Бюст М.Ю. Лермонтова»

1

Задумчивый отрок. Ранимый. Печальный.
Москвой восторгался.

Влюблѐн был в Кавказ,
Тоскою томим. Одинок изначально.
Балы. Увлеченья. Отвергнут не раз.

В нём горечь и злость закипали мгновенно,
Холодная страсть к разрушенью вела,
Ложась на бумагу строкой дерзновенной.
Строка раскалялась, как горн, добела!

И сыпались звѣзды в свободном паденьѐ,
Чеканился слог и звенел, как металл,
А юноша мрачный в лучах вдохновенья –
В тот миг чародей! Над Вселенной летал!

Как вспышка, кометою жизнь пролетела,
Мятежную душу невзгодам открыв,
Как сгусток энергии, сжав до предела
И мысли, и время, Талант обнажив.

2

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка.
У Пушкина он принял эстафету,
Создав шедевр –
стихи на «Смерть Поэта»»,
Кумира недругов «задел» наверняка.

Не ведавший народных сказок с детских лет,
Читавший Байрона и Шиллера запоем,
Опекой бабушки чрезмерно удостоен.
Бунтарский дух упрямо рвался в «свет».

Пророк. Посредник между небом и землёй,
Презревший ложь, коварство и измену,
Снискавший славу и опалу, несомненно.
Не понят. Не раскрыт ничтожною толпой.

Отважен и умѐн. Читил офицера честь.
Отчаян. Дерзок. Горд. Порою нем он,
Жесток и равнодушен, словно Демон.
Космический поэт и магия в нём есть!

Монолог школьного ранца

Иллюстрация Раисы Сергеевой

Заброшен, за дверью лежу и вздыхаю...
И так ежедневно – Егорка придёт
Из школы домой, то – меня он швыряет,
А я верой-правдой служу целый год.

Пихает в меня он тетрадки и книжки,
И болтики, гайки и пиццы кусок...
То плюхнется сверху
(обидно мне слишком)!
И всё для того, чтоб закрылся замок.

Зимой на мне он катается с горки,
Летит оглашенный на всех парусах.
Скриплю весь ободранный:
– Сжался, Егорка!
Да где там! Не слышит. Лишь ветер в ушах!

Бывало, подвесит меня вместо груши
И – ну, колотить, как спортивный снаряд!
Терплю, что Мальчиш-Кибальчиш,
хоть и трушу:
– Он мышцы качает, – друзья говорят.

Весной, вам признаюсь, бывает похуже:
На школьном дворе, как затеет футбол,
Пинает, пока не окажешься в луже,
А то и в окошко влетишь... Произвол!

А нынче в страшилки по компу играет,
Забыл про меня. У порога лежу.
Одно хорошо, хоть пока не пинает.
А завтра-то что?
Как представлю – дрожу...

Поэт и Ужик

Иллюстрация Раисы Сергеевой

Жил-был маленький серенький Ужик,
Не имел ни друзей, ни подружек.
Раздувал он от важности щёчки
И безумно любил влазить в строчки
К зазевавшимся горе-поэтам,
Подружиться мечтая при этом:
Так старался – вылезал из кожи,
На эпитет хотел быть похожим.
Наконец-то, нашёл себе друга!
Не желал знать времён он и правил
И Ужей «под размер» лихо ставил,
Заигрался ответственной ролью:
В текстах – чушь, а Ужам пир, раздолье:
Сколько хочешь – друзей им, подружек.
Только знать бы, кому это нужно?..

То ли сон, то ли явь

По картине Жозефины Уолл «Дух полёта»

То ли сон, то ли явь... да и было ли это?
Но несётся по небу – роскошное Лето,
Чаровницей в кисейно-воздушной накидке.
Ветер треплет края, озорник нежно-прыткий!

Медью огненной локоны девы сияют,
Создавая узоры восточных мозаик.
Мотыльки и жучки, да и певчие птицы
Вихрем мчатся вослед. Всё ликует, кружится!

Гуси-лебеди сказкой парят в поднебесье,
И на землю летит задушевная песня.
Так на солнечных крыльях, в шелка разодето,
Заступает в права лучезарное Лето.

На лугу сотней солнышек плещут ромашки,
Пьют взахлёб ясный день –
крохи в белых фуражках.
Рай кругом, благодать! Так задумано Богом.
Жить, любить, удивлять. Разве этого много?

Только б не было войн и локальных конфликтов,
Шар земной, без того, очень хрупкий и зыбкий.
... А в густой синеве «Дух полёта» кружится.
То ли сон, то ли явь... неужели мне снится?

Дух Студича*

По картине Всеволода Иванова «Падение небесного камня»

Гладь озера блестит, бугрится,
Слегка прихвачена тончайшим льдом,
А в небе розовато-голубом
Зима... дух Студича ярится,
Студёно дышит над её холстом.

Природа девственна, сурова.
Вдоль берега охотники бредут.
Пучки сухих колючек там и тут...
Собаки зверя рвать готовы,
И человека норы также крут.

Пылают ягоды рябины,
Чуть подморожены, грустят в снегу.
Собрать бы надо... людям... к очагу.
Настой духмяный, витаминный
Излечит в непогоду хворь, цингу.

Вдруг диво-дивное кометой –
Невероятно яркий камень-шар,
Метнул к воде межзвёздный кочегар.
Посланец неба – весь из света –
Влетел, теряя раскалённый жар,

Пред взором русичей под воду,
Мгновенно вздыбив преогромный вал.
Со дна он, словно радугой сверкал:
Чудес не видывали сроду.
Дух Студича то действие остужал...

* Студич у древних русичей означал месяц январь.

Зимняя история любви

По одноимённой картине Рут Сандерсон

В заснеженном царстве могучие ели
Накидки добротные сверху надели.
Восход золотил им подстывшие спины,
Меня притихшую в дреме картину.

И солнечный лучик, скользя среди леса,
Застыл в удивленье, заметив принцессу.
Глаза-изумруды искрились, горели:
Ей юноша дивно играл на свирели.

Мелодия нежно звенела и страстно,
И не было звука в то утро прекрасней.
Посланник небесный – свидетель их встречи,
Заслушался, свет им роняя на плечи.

Вдохнул в них тепло, обогрел и округу:
Сердца распахнулись навстречу друг другу.
Свирель, вам скажу, далеко не простая:
Ручей подо льдом, ей внимая, растаял.

И вдаль устремился – волшебно журчащий
Поведать о том, как рождается счастье.
А юная пара – что в март первоцветы:
Сердца запылали божественным светом.

Зимую открылась, отнюдь не случайно,
Любви, полонившей их, светлая тайна.
Кто в помыслах чист, щедр душою и ласков:
К тому непременно пожалует сказка.

Ожидание

По одноимённой картине Любови Донцовой

В лазурном шёлке дремлет тишина,
Окутал сонный морок побережье...
А юная красавица одна –
Любовью звать, а, может быть, Надеждой.

Задумалась, чуть голову склонив,
В глазах зелёных плещется тревога...
Ей песен Грига чудится мотив,
Кораблик на воде – коснись, потрогай.

Возможно, юный принц на нём плывёт,
И ожидания девы не напрасны,
А тающего лета сладкий мёд
Румянит кожу щёк её атласных.

Крепчает вера, гуще цвет небес,
Из-под платочка смотрит медный локон.
Случится встреча полная чудес!
Не быть ей безнадёжно одинокой.

Нечаянная встреча

По картине Любови Донцовой «Флиртующие кувшины»

Летний столик, как сказочный остров,
А на нём – два прозрачных кувшина...
Притяженье возникло так остро:
В романтической встрече причина.

Воздух чистый, теплом напоённый,
Солнца лучики смотрят лукаво...
Он, что юноша пылкий влюблённый –
Ей – кокетке, вниманье по нраву.

А вокруг синева сплошь разлита,
Даже чудится запах ромашек
Развесёлых, росую умытых...
Пред глазами, что искорки пляшут.

Он, пытаясь привстать на носочек,
Наклоняется к ней осторожно,
Свой единственный нежный цветочек
Преподносит ей в дар, а, возможно,

Предлагает ей руку и сердце...
Утончённый, весьма элегантен –
Он не может никак наглядеться:
Всё затмил восхитительный бантик...

А она, уклоняясь жеманно,
С лучезарной улыбкой готова
Дать понять, что он самый желанный,
Прошептать то заветное слово...

Вспоминаю

По картине Елены Лезиной «Калина»

Утром в дверь тихонько выскользну
На веранду. Осень поздняя...
Стол дощатый чисто выскоблен,
А на нём – калина гроздьями.
Пламенеет, ярко-алая, –
Листья охрою прихвачены.
Вспоминаю – запоздалую –
За неё сполна заплачено...
Обронила зорька ясная
Перламутровые россыпи.
Было время – не напрасно я
По судьбе бродила с посохом
Да сумою перемётною –
Собирала обветшалую
Совесьть... честь, почти бесплотную.

Верить в жизнь не перестала я. –
И любовь свою несмелую,
Чуть живую, с червоточиной,
Отыскала, отогрела я:
Всю в пыли да на обочине...

Годы катятся лавиною
И приносят счастье, лихо – мне.
Приросла я пуповиною
К Дону вольному и тихому.
... Пахнет яблоком и мятою.
Тишь... из сада тянет свежестью.
Я сильна теперь внучатами,
Бесконечно светлой нежностью.

Белые звёзды

По картине Елены Лезиной «Ландыши»

Чародей ли оставил корзиночку,
Аккуратно сплетённую мастером,
На столе... на ажурной салфеточке?..
В ней не жемчуг, не россыпь алмазная,
Не сапфиры, не лунные камушки
И не юных принцесс драгоценности.

Это белые звёзды весенние,
Что росли на укромной проталинке,
Будто бусинки рос серебристые,
К солнцу взор устремляли свой трепетный,
Ароматом окрестности радуя –
Белоснежные чудные ландыши.

Символ скромности и непорочности,
Благодати небесной немеряной...
Дышат свежестью грозди духмяные
Меж листочками сплошь изумрудными:
Зазвенят, коль коснёшься нечаянно,
И прольются мелодии нежные.

Символ чистоты

По картине Елены Лезиной «Ромашки»

Как будто сотни солнышек горят,
Синь утра разбавляя тёплым светом.
Любуюсь на ромашковый наряд
Столь милого и скромного букета,
Стоящего на краешке стола,
Созвучного душе и тихой песне...
Фата из лепестков, белым-бела,
Легка, воздушна, как наряд невесте.
Роскошнее, богаче есть цветы,
Но мне ромашки ближе и красивей.
Растут в глубинке – символ чистоты,
Любви и верности: семье, России...
Рой нежных лепестков зовёт: «Ликуй,
С природой заодно, светло, неспешно».
Как будто лета сочный поцелуй,
Красуются... поодаль три черешни...

Весеннее торжество

По картине Ларисы Радченко «Серёжки»

Кину взгляд на берёзку весеннюю –
В душу просятся строки Есенина:
Синева... глубина несказанная...
Шевельнётся в груди что-то странное
И до боли родное, знакомое,
Будто только что вышла из дома я,
Из далёкой глубинки, из юности:
В небьль канули беды и трудности.
Обниму белоствольную, гордую,
А весна салютует аккордами,
И звенит надо мною серёжками,
Будто русская грусть порасплёскана
Кем-то щедрым и светлым – я счастлива,
К торжеству безвозвратно причастная!

Пробуждение

По картине Ларисы Радченко «Лебедь»

Робко солнечные лучики
Пробежали по-над озером,
Приласкали птицу вольную,
Задержались потрясённые
Красотой и величавостью.

Гордый лебедь в одиночестве
Распрямил крыла могучие
И стряхнул тумана капельки,
Будто россыпи жемчужные,
В лоно вод прохладных, трепетных.

Любовался каждым пёрышком,
Высь лазурную разглядывал,
Утро раннее приветствуя,
Белоснежную лебёдушку
Подждал на танец верности.

Сиреневая нежность

По картине Ларисы Радченко «Приближая весну»

Я люблюсь сиреневой нежностью,
Ароматом, едва ощутимым,
Пью по капле дыхание свежести,
От букетика, что на картине.
Он в стеклянном графине красуется,
Приближая весну на минутку...
А морозец ядрёный – по улицам –
За окном февралит не на шутку!
Хороводит там ветер отчаянья,
То разгонится дерзко и молодо,
То отпустит, как будто в раскаянье –
Знает: скоро простится он с холодом.

Прощальный оркестр

По картине Ларисы Радченко «Осенняя симфония»

Звонит тишина, распростёрла объятья.
В роскошном убранстве стоят
Берёзки, надев золотканые платья –
Прощальных гастролей наряд,
К воде наклонясь, чуть присев в реверансе,
В зеркальную смотрятся гладь,
Почти отыграв кружева декаданса –
Изящны – царевнам под стать.
Снежинки вальсируют в лёгком круженье,
И тают, даря поцелуй.
Листочки трепещут в невольном смущеньи,
Тихонечко шепчут: «Танцуй», –
Девчоночке той, что, внимая Природе,
Как будто сама дирижёр,
Взмахнула руками, и звуки мелодий
Пронзили осенний простор.

На озере

По картине Ларисы Радченко «Озеро»

Туман тягучий вязкий
Накрыл сплошною маской
Свинцовый сумрак вод.
Не слышен гомон птичий...
Угрюмых скал величье
Куда-то вдаль зовёт.
Тихонечко и кротко
Скользит по глади лодка.
Быть может, ищет грот,
Где притаился Воланд?
Пронизывает холод,

И в сердце стынет лёд.
Но путники не внемлют –
Влекут чужие земли.
Пусть низок небосвод,
И утро пустоцветом
Осыплется при этом...
Известно наперёд,
Что защобечут птицы,
И мир преобразится,
Лишь солнце полыхнёт.

Хорошему Коту и в феврале март

По картине Ксении Мороз (живопись шерстью)

Февраль верховодит. Подворье в снегу.
Дощатый заборчик... Станица...
Кот Васька вальяжно лежит – «ни гу-гу».
Пушистая шубка лоснится.

Прищутив глазок, наблюдает хитро
За тихим круженьем снежинок,
Но ушки при этом он держит востро:
Шуршание слышит травинок

Сухих, пустотелых, что снег не прикрыл –
На мирную «ноту» настроен.
Про Мурку мечтатель навряд ли забыл:
Процесс – под контролем)) Спокоен.

И прыткий воробышек не ускользнёт,
Пусть машет крылами да скачет,
Чирикает: «Глянь, размечтался наш кот!
Романтиком стал)) Не иначе».

Насмешки над сильным?! Излишняя спесь.
Не видит за собственным носом:
Так глупо... Коль Ваське захочется есть,
То сцапает вмиг – без вопросов!

Весёлый танец

По одноимённой картине Татьяны Илюшкиной

– Жил-был в Индии далёкой
Розовый слонёнок, –
Говорила мне сорока, –
Танцевал с пелёнок.
Из приветливых ромашек
Надевал веночек.
Ставил ногу, как барашек,
С пятки на носочек.
Был галантен и воспитан,
В общем – добрый мальй.
На красавицу на Джиту –
Взгляд кидал лукавый.

По-индийски Джита – песня.
Голос – звонкий, чистый.
Хорошо плясали вместе
Танец два артиста!
Щёлкнет пальцами подружка –
Он, как заведённый.
Так и кружат друг за дружкой
В ритме увлечённо.
Ветерок колышет сари,
В такт звенит монисто.
Пальмы две – и те в ударе:
– Цирк! Без баяниста!

Чудо-яблонька

По одноимённой картине Татьяны Илюшкиной

Деревянная избушка
Примостилась на холме
В ней кудесница-старушка
Заплетает макраме,
Варит дивное варенье:
Вкус – волшебный, спору нет.
Дарит это угощенье
Чудо-яблонька – ранет.
Собирает внучка Даша –
Непоседа, егоза.
Нет милей её и краше,
Угольком горят глаза.

Тянет яблонька к ней ветви –
В ручки падают поды:
Кто душою чист, приветлив –
Награждает за труды.
Вот полны мешок, корзинка:
Впору бабушку позвать,
А ромашки в пелеринках
Белоснежных – благодать...
Таёт сладкой карамелькой
Тёплый солнечный денёк.
На дверях скрипит петелька,
А в печи пытит пирог...

Прощальная песня

По картине Татьяны Илюшкиной «Музыка эльфов»

Ты мой сон, ты моё наваждение,
Грусть моя, неотступная боль,
Ты души сладкозвучное пение,
Грёз ночных неизменный король.

Сумасшедшая я и смиренная
И шикарней эльфийских подруг.
Я и пристань твоя и вселенная,
Томной лиры чарующий звук.

Помнишь, милый, поляны брусничные?
Как ласкали наш взгляд мотыльки?
Расплетал ты мне косу пшеничную,
Полыхали в глазах угольки...

Ночь весенняя дышит фиалками,
В ней рулады ведут соловьи.
Встреч минувших нисколько не жалко мне.
Жаль одно – не сложилось любви.

Зимнее солнце

По одноимённой картине Максима Ильина

Белое величие зимы
Видится сквозь снежные думы.
Сосны, что роскошные царицы...

Выкатилось зимнее Светило –
Снежное убранство заискрило.
Чудится, что вышли танцовщицы

Из полотен, может быть, Дега,
Но... кругом безмолвные снега.
Может, мне картина эта снится?

Сосны-раскрасавицы стройны,
В зеркале ручья отражены,
Грациозны, смотрят свысока...

Вот оно – природы торжество!
Сон и явь сплелись на Рождество.
В низеньком домишке лесника

Шанежки пекут, пьют чай с брусникой...
Подойди, в окошко, загляни-ка –
Прячется тихонько за сосной,

Той, что вся от солнца золотится.
Глянeshь – и слезинка сквозь ресницы.
День благословенный, выходной.

Светятся оттенки белизны.
Призрачно, студёно до весны.
Солнце, зная, обманчиво зимой.

Великие мастера живописи

Орест Кипренский (1782 – 1836) Выдающийся русский живописец и график. Представитель романтизма. Внебрачный сын помещика А. С. Дьяконова, родился на мызе Нежинской Ораниенбаумского уезда Санкт-Петербургской губернии, ныне — деревня Нежново Кингисеппского района Ленинградской области). По документам был записан в семью крепостного Адама Швальбе. Получив вольную в 1788 году, он был зачислен в Воспитательное училище при Петербургской Академии художеств под фамилией Кипренский. Учился в академии до 1803 года. Получил больш-

ую золотую медаль по задаче «Представить Великого Князя Дмитрия Донского, когда по одержании победы над Мамаем, оставшиеся князья и прочие воины находят его в роще при последнем почти дыхании» (1805). Получил в Академии аттестат 1-й степени и шпагу (1803), был оставлен при Академии. Основной жанр творчества – портрет. Лучшим произведением Кипренского является портрет Пушкина 1827 г.

Карл Брюллов (1799 – 1852). Дед – Георг Брюлло был фарфоровых дел мастер, отец – преподавателем Российской Академии художеств по классу резьбы по дереву. Кроме того, занимался гравировкой, лепкой, живописью золотом по стеклу. В детстве Карл должен был ежедневно нарисовать определённое количество восковых фигурок и лошадок и только потом получал завтрак. И это дало свои плоды. Брюллов – единственный русский художник, удостоенный при жизни лаврового венка и бриллиантового перстня из рук императора. За «Последний день Помпеи» его назва-

ли «первой кистью государства». Он создал более 200 парадных и камерных портретов и расписал купол Исаакиевского собора площадью 800 квадратных метров. Картина «Всадницы» была написана по просьбе графини Юлии Самойловой, с которой познакомился в Риме.

Павел Федотов (1815–1852) – русский живописец и график, академик живописи, родоначальник критического реализма в русской живописи. Он был по профессии гвардейским офицером, служил в Санкт-Петербурге. Будучи художником-любителем, посещал в качестве вольнослушателя занятия в Императорской Академии художеств. В 1844 году Федотов подал в отставку, чтобы целиком посвятить себя живописи. В 1848 году Федотов пишет свою самую известную картину – «Сватовство майора». Тем временем его

связи с революционным кружком петрашевцев навлекли на него преследования со стороны правительства. Не вынеся придинок цензуры, Федотов впал в депрессию и скончался в психиатрической больнице.

Иван Айвазовский (1817 – 1900) Ованнес (Иван) Константинович Айвазовский родился в армянской семье купца Геворка (Константина) и Рипсима Айвазян. Иван Айвазовский с детства обнаружил в себе художественные и музыкальные способности; в частности, он самостоятельно научился играть на скрипке. Непрезойденный маринист и один из самых дорогих художников. В 2012 году на британском аукционе Sotheby's его картина «Вид Константинополя и Босфора» была продана за 3 миллиона 230 тысяч фунтов стерлингов, что в переводе на рубли составляет более 153 миллионов.

Алексей Саврасов (1830 – 1897) Алексей Саврасов – великий русский пейзажист, художник-передвижник и учитель Левитана, Коровина и Нестерова, академик Императорской Академии художеств, но его нередко называют «художником одной картины». Речь, конечно, о полотне «Грачи прилетели». Родился в Москве, в семье купца 3-й гильдии Кондратия Артемьевича Саврасова. Вопреки желанию отца, который мечтал приспособить сына к «коммерческим делам», мальчик в 1844 году поступил в Московское училище живописи и ваяния, где учился в классе пейзажиста Карла Ивановича Рабуса.

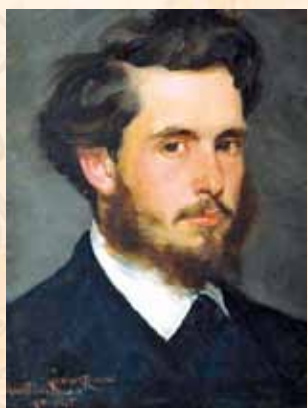
Василий Перов (1834 – 1882) был незаконнорождённым сыном губернского прокурора барона Георгия (Григория) Карловича Криденера и уроженки Тобольска А. И. Ивановой. Несмотря на то, что вскоре после рождения мальчика его родители обвенчались, Василий не имел прав на фамилию и титул отца. В официальных документах долгое время указывалась фамилия «Васильев», данная по имени крёстного отца. Фамилия «Перов» возникла как прозвище, данное мальчику его учителем грамоты, заштатным дьячком, который этим прозвищем отметил своего ученика за усердие и умелое владение пером для письма. В 1852 году Василий Перов приехал в Москву и на следующий год поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Однако жить было не на что и негде; молодой художник из-за нужды хотел даже оставить учёбу. В 1856 году за представленный в Императорскую академию художеств «Портрет Николая Григорьевича Криденера, брата художника» Перов был отмечен малой серебряной медалью.

Иван Крамской (1837 – 1887) Художник-передвижник Иван Крамской, автор картины «Христос в пустыне», создал одну из самых загадочных картин – «Неизвестную», которую также часто называют «Незнакомкой». С кем только её ни соотносили. И с Анной Карениной, и с Настасьей Филлиповной, и с дочерью художника Софьей, и с крестьянкой Матреной Саввишной, которая стала женой дворянина Бестужева, и с княжной Варварой Туркестанишвили – фрейлиной императрицы Марии Федоровны, фавориткой Александра I, которому она родила дочь, а после покончила с собой. Версий масса, но «Незнакомка» по-прежнему незнакомка.

Константин Маковский (1839 – 1915) Одни называли Константина Маковского предвестником русского импрессионизма, другие считали, что он предаёт идеалы передвижничества, но, несмотря на критические оценки, Маковский был одним из самых востребованных и высокооплачиваемых художников своего времени. На Всемирной выставке 1889 года в Париже он получил Большую золотую медаль за картины «Смерть Ивана Грозного», «Суд Париса» и «Демон и Тамара».

Клод Моне (1840 – 1926) – французский художник, один из основателей импрессионизма, прошедший долгий путь от гонений, насмешек и нищеты до всемирного признания. Он стал одним из основателей импрессионизма, но и дал название этому направлению живописи. Именно из-за его картины, описывающей восход солнца в порту Гавра впоследствии так назовут новое художественное течение. Родился живописец в 1840 году в семье бакалейщика в Париже, но юность провёл в Нормандии в городе Гавр, куда его семья переехала в 1845 г. Там он с детских лет занимался рисованием и даже зарабатывал на этом – карикатуры в его исполнении достаточно хорошо продавались в бакалейной лавке отца. Там же он познакомился со своим первым учителем – Эженом Буденом. В 20 лет Моне призвали в армию. Служить ему выпало в Алжире, но не прошло и двух лет, как будущий художник заразился брюшным тифом, и тетушка помогла ему откупиться от службы.

Архип Куинджи (1842 – 1910). в переводе с урумского фамилия Куинджи означает «золотых дел мастер») родился в Мариуполе, в семье бедного сапожника-грека. В метрике он значился под фамилией Еменджи – «трудовой человек». Мальчик рано ли-

шился родителей и воспитывался у тётки и дяди по отцовской линии. С помощью родственников Архип выучился у учителя-грека греческой грамматике, затем, после домашних занятий, некоторое время посещал городское училище. По воспоминаниям товарищей, учился он плохо, зато уже тогда увлекался живописью и рисовал на любом подходящем материале — на стенах, заборах и обрывках бумаги. Одни называли Куинджи «русским Моне» за виртуозное раскрытие возможности краски. Другие обвиняли художника в стремлении к дешевым эффектам, использовании тайных приемов, вроде скрытой подсветки полотен. В конце

концов, на пике шума вокруг своего имени Архип Иванович просто ушел в добровольное изгнание на 30 лет

Виктор Васнецов (1842 – 1926) – великий русский художник-живописец и архитектор, мастер исторической и фольклорной живописи. Его называли «истинным богатырем русской живописи». Для большинства Васнецов является создателем мира русских сказок и былин, но он также серьезно занимался архитектурой (фасад Третьяковской галереи) и создавал почтовые марки.

Илья Репин (1844 – 1930) – гениальный портретист, мастер бытовых зарисовок и создатель скандальных исторических полотен. О работе ещё молодого Репина «Бурлаки на Волге» упоенно писали газетчики. Одни зрители ругали ее, другие – восторгались. Картина вызвала живейший интерес у Достоевского и Перова, а между тем некоторые называли ее «величайшей профанацией искусства».

Василий Поленов (1844 – 1927). Уроженец Санкт-Петербурга. Отец Дмитрий Поленов – секретарь Русского археологического общества – изучал летописи и историю, увлекался искусством. Мать Мария Поленова (урожденная Воейкова) брала уроки жи-

вописи у художника Карла Брюллова. Василий увлекался живописью с детства. Он окончил Академию художеств с Большой золотой медалью, путешествовал по Европе, изучая разные школы и стили живописи и посещая множество музеев и картинных галерей. Художник долго искал свое направление — и уже в зрелом возрасте обрел известность как пейзажист и мастер жанровой живописи. Благодаря картине «Московский дворик» Поленов стал родоначальником «интимной живописи», а его картину «Христос и грешница» приобрел для своей коллекции император Александр III.

Василий Суриков (1848 –1916) За мастерское овладение приемами композиции друзья-художники в Петербурге называли потомственного казака Василия Сурикова «комполитором», однако в академических кругах Сурикова долгое время критиковали как раз за скученность композиций, за «кашу» из лиц персонажей, презрительно называли его полотна «парчовыми коврами». История расставила все по местам - Суриков и сегодня считается непревзойденным мастером живописи, а его исторические полотна - одними из самых реалистичных.

Михаил Врубель (1856 – 1910) Одного из самых трагических русских художников, Врубеля называли творцом искусства, близкого по природе ночным сновидениям. Родился в Омске. Символист, представитель русского модерна в живописи. Одна из главных тем – гармония мира, природы и человека («Пан», «К ночи», «Сирень»). Работал практически во всех видах и жанрах изобразительного искусства: живописи, графике, декоративной скульптуре и театральном искусстве. С 1896 года был женат на известной певице Н. И. Забеле, портреты которой неоднократно писал. Про увлеченность художника образом Демона Александр Бенуа

рассказывал: «Верится, что Князь Мира позировал ему.... Его безумие явилось логическим финалом его демонизма».

Александр Лавров (1857 – 1937) С 1866 года был вольнослушателем Академии Художеств, годом позже был зачислен в студенты. В 1868 году за успешное обучение получил право преподавания в уездных училищах, вскоре стал штатным художником русского отделения Общества Красного креста. Помимо рождественских и пасхальных открыток, был автором большой серии почтовых карточек на темы «Русские народные песни» и «Русские имена». Комплект из 14 дореволюционных цветных почто-

вых открыток «патриотической серии», выпущенных в период Первой Мировой войны 1914-1918 годов. Уникальность карточек заключается в том, что их героями являются... мальчишки, изображающие солдат в их повседневном ратном быту

Исаак Левитан (1860 – 1900) – мастер «пейзажа настроения» и самых медитативных полотен в русском искусстве. Шедевр Левитана «Над вечным покоем» называют «самой русской картиной». Художник писал её под звуки траурного марша из «Героической симфонии» Бетховена. Один из друзей Левитана назвал эту картину «реквиемом самому себе».

Валентин Серов (1865 – 1911) Друзья называли Валентина Серова «Антошей» – таково было его домашнее прозвище. Знаменитым художником стал после выхода в свет своих шедевров – «Девочки с персиками» и «Девушки, освещённой солнцем». На первой картине была изображена дочь Саввы Мамонтова Вера, на второй – двоюродная сестра самого Серова Машенька Симонович.

Леон Бакст (1866 – 1924) Леон Бакст – один из ярчайших представителей русского модерна, художник, сценограф, мастер станковой живописи и театральной графики. Европейский успех знаменитых «Русских сезонов» является заслугой Бакста в той же степени, как и заслугой Сергея Дягилева. Бакст был учителем Марка Шагала и законодателем парижской моды.

Александр Бенуа (1870 – 1960) Родился в Санкт-Петербурге в семье архитектора. Русский художник, историк искусства, художественный критик, декоратор, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства». Рисовать начал чуть ли не с пелёнок. В 8 лет отец подарил ему сделанный на заказ игрушечный театр с прекрасными декорациями. С тех пор театр в течение всей его жизни занимает особую роль.

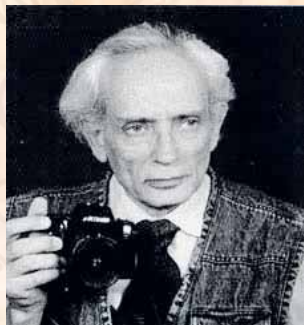
Иван Билибин (1876 – 1942) – русский художник, живописец, график, театральное оформитель, член «Мира искусства», автор картин и красочных иллюстраций к русским сказкам и былинам в декоративно-графической орнаментальной манере, основанной на стилизации мотивов русского народного и средневекового искусства; один из крупнейших мастеров национально-романтического направления в русском варианте стиля модерн. Родился рядом с Петербургом, в селе Тарховка. Его предками были купцы, родом из Калуги, патриоты и меценаты. Но отец, Яков Иванович выбрал профессию врача и служил на военном судне, затем возглавлял госпиталь и инспектировал императорский флот. По достижении 12 лет, Иван поступил в гимназию, с блеском её закончил и стал студентом юридического факультета в Петербурге. После революции 1917 года уехал в Крым и далее в Египет, где даже расписывал православный храм. В 1936 году художник решил вернуться на родину. Его окружили почётом, приняли в качестве профессора в Институт живописи, скульптуры и архитектуры в Ленинграде и скоро дали степень доктора искусствоведения. Умер Иван Яковлевич Билибин в 1942 году, 7 февраля, не пережив блокады.

Кустодиев Борис (1878 – 1927). Родился в Астрахани. Российский художник, живописец, один из самых популярных мастеров русского модерна, автор национально-романтических картин, красочных сцен крестьянского и провинциального мещанско-купеческого быта (серия «Ярмарки»), портретист (портрет Ф.И. Шаляпина, 1922), иллюстратор, театральное художник.

Живописцы-современники

Лора Рыбченкова (1928) – график, иллюстратор советских открыток, книг для детей, член Союза художников СССР.

Давид Рубашевский – (1937). Родился на Украине, Кировоградской области. С 1958 по 1976 годы проживал в городе Грозном. Окончил художественную студию. Работал художником по росписи тканей (холодный батик). Участие в выставке Министерства местной промышленности в Москве. Диплом I степени, с 1960 года профессионально работал фотографом. В середине 60 годов окончил отделение живописи во Всесоюзном заочном университете им. Крупской. Участие в фотовыставках в г. Грозном, Чехословакии, Польше, Венгрии. В 1971 году – дипломант Всесоюзной фотовыставки в номинации «Пейзаж». С 1977 года живет в Волгодонске. В 1986 году присвоено звание «Фотохудожник Первого класса РСФСР» 1985–1993 годы – председатель городского фотоклуба.

Виктор Николайчик (1938). Родился в городе Грозном. Окончил Львовский мебельный техникум, затем искусствоведческий факультет института им. И. Е. Репина. Был автором герба Грозного, главным художником Выставки достижений народного хозяйства ЧИАССР, начальником пожарно-технического Центра музея и главным художником экспозиции, создавал художественное оформление чеченской столицы. С 1993 Виктор Николайчик проживает в Волгодонске. Был директором городского выставочного зала, в 1996 году принят в члены Союза дизайнеров России. С 2010 год – председатель Союза художников Волгодонска. Является автором скульптурно-дизайнерской композиции в станице Романовской «Сфера любви», дизайнерских проектов в городах Сочи и Алушта, автор герба Волгодонска.

Анатолий Ковалёв (1940) – член Союза художников России. Родился в г. Городовиковске (Республика Калмыкия). В 1961–1962 годах учился в РХУ им. М. Б. Грекова. В 1967 году окончил Курский гос. пединститут, художественно-графический факультет. В 1971 году – лауреат республиканского конкурса плаката, посвящённого 50-летию комсомола Калмыкии. Участник выставок в России, Франции, Китае. Работы находятся в музеях России, в музее замка Де Рео во Франции, в музее республики Южная Осетия, в частных собраниях России, Германии, Израиля.

Василий Поляков (1944 –2016) – скульптор, член Союза художников СССР. Родился в поселке Орловский Ростовской области в семье рабочего и учительницы, с отличием окончил скульптурное отделение Луганского художественного училища, затем – отделение промышленного дизайна Харьковского художественно-промышленного института. В 1978 году Поляков с семьей приехал в Волгодонск, где за 30 лет им было создано более 30 скульптурных работ, установленных в городе. Им созданы 12-метровый скульптурно-декоративный комплекс «Корчагинский поход

продолжается»; скульптурная композиция фонтана «Победа»; декоративная композиция «Саженец», скульптуры «Мать и дитя», «Казачка», «Щукарь», «Дед и внук», «Айболит», «Материнство», «Первый дом», «Украшение праздничного снопа», «Девочка с книгой», «Любовь» (первый памятник Высоцкому). Особое место в творчестве Полякова занимает жанр портрета.

Раиса Сергеева (1946) Поэт, автор поэтического сборника «Настроение души» и двух сборников детских стихов. Сама выполняет иллюстрации к собственным книгам. Лауреат фестиваля авторской песни «Энергия Дона» в номинации «Поэзия» (Волгодонск), конкурса, посвящённого 80-летию юбилею Булата Окуджавы. Публикуется в Литературно-художественных альманахах «Наше Слово», (Ростов-на-Дону) и «Северная лира» (Израиль) и др.

Жозефина Уолл (1947) – известная художница родилась и живёт в Англии. Её картины в стиле фэнтези уже давно популярны во всём мире. Своих сказочных персонажей Жозефина Уолл создаёт с помощью ярких акриловых красок, увлекая вас в волшебный мир собственного воображения. Сейчас её работы можно увидеть во многих галереях Англии и Америки, а также на открытках «Арт и Дизайна». <http://artd.ru/>.

Всеволод Иванов (1950) Родился в городе Беломорске. 1978 году – окончил тверское художественное училище по специальности художника-оформителя. До 1974 года участвовал в городских, областных и одной всесоюзной выставках самодеятельных художников. После 1978 года выставлялся по линии Союза Художников России.

Рут Сандерсон (1951) – одна из талантливейших художников и иллюстраторов. Она создавала работы для таких сказок как «Золушка», «Красавица и чудовище», «Матушка-Гусыня», «Спящая красавица» и многих-многих других. Сейчас Рут живет со своей семьей в городе Ист-Хэмптон (Easthampton), штат Массачусетс. Рут Сандерсон закончила университет искусств штата Коннектикут в 1974 году. После этого она начала иллюстрировать детские книги, а так же книги для старшего поколения. На данный момент является членом сообщества иллюстраторов. Рут Сандерсон проиллюстрировала 75 книг для детей всех возрастов.

Любовь Донцова (1957). Родилась в Семипалатинске (Казахстан). Образование: 1981 год – высшее, профессиональное художественно-педагогическое. В Волгодонске живёт с ноября 1981 года. С 1982 года постоянный участник и организатор выставок. Работает в различных техниках и жанрах: от натюрмортов до портретов и образов, реставрация художественных картин и рам. Проживает в Волгодонске, возглавляет городскую общественную организацию Творческий союз художников ЛИК.

Елена Лезина (1959) Родилась в г. Таганроге Ростовской области. Окончила Художественную школу в г. Таганроге, затем архитектурный факультет Ростовского инженерно-строительного института (РИСИ). Работала преподавателем в Детской художественной школе (г. Волгодонск). В ряде высших учебных заведений преподавала живопись и рисунок. Пишет в технике акварели. С 2013 года – член Союза художников России. Состоялись 36 персональных выставок живописи в городах Москве, Ростове-на-Дону, Волгодонске, Новочеркасске, Цимлянске, Мытищах, Фрязино, Таганроге.

Лариса Радченко (1967) Родилась в Бурятии, выросла в Новокузнецке. Проживает в Новосибирске, окончила техникум связи. Очень любит шить – именно этим зарабатывает на жизнь. Помимо этого – замечательный прозаик. Пишет с 2010 года. Выпущено пять книг. Написано одиннадцать романов и множество рассказов. Некоторые в соавторстве с Еленой Долгих. В свободное время любит рисовать.

Ксения Мороз – замечательная художница и удивительная мастерица из Москвы. Её картины из шерсти выполнены в уникальной технике, которая позволяет художнице без красок и кистей воплотить задуманное художественное произведение на полотне. Картины получаются яркие, выразительные и запоминающиеся, они создают обстановку уюта, нежности и тепла.

Татьяна Илюшкина (1978) – училась в Воронежском художественном училище на живописно-педагогическом отделении, получила специальность «художник-педагог». Позже закончила Петербургскую Академию Художеств им.Репина, факультет теории и истории искусств по специальности искусствовед. Проживает в Санкт-Петербурге, работает дизайнером интерьеров.

Максим Ильин (1979) Родился в Рязани, в семье художников. Окончил «Школу искусств №4», затем – художественном училище имени Вагнера по специальности «художник- педагог». Участвовал во многих региональных и зональных выставках: в 2001 году «Есенинская Русь», в 2003 году – «Родные просторы» (Рязань) и т.д. С 2002 года профессионально занимается живописью в направлении реалистического пейзажа. Работы находятся в частных коллекциях России и за рубежом.

Содержание

Великие мастера живописи

<i>Триптих. Прощание с Пушкиным</i>	<i>3</i>
<i>Миг движения</i>	<i>4</i>
<i>Не оставь, Господь</i>	<i>5</i>
<i>Удачная сделка</i>	<i>6</i>
<i>Главный секрет</i>	<i>7</i>
<i>Российское отныне будет знамя</i>	<i>8</i>
<i>Эпизод на Северной войне</i>	<i>9</i>
<i>Стихия и Пушкин</i>	<i>10</i>
<i>Вижу дорогу я зимнюю узкую</i>	<i>11</i>
<i>Нет зимы, которая бы не кончалась</i>	<i>12</i>
<i>Дилетант</i>	<i>13</i>
<i>Надолго ли?</i>	<i>14</i>
<i>В лунном сиянии</i>	<i>15</i>
<i>Боярышня</i>	<i>16</i>
<i>Одинокая нота</i>	<i>17</i>
<i>Перед грозой</i>	<i>18</i>
<i>Молитвенная сходит тишина</i>	<i>19</i>
<i>Похищенные царевны</i>	<i>20</i>
<i>Ковёр-самолёт</i>	<i>21</i>
<i>Мгновенье встречи</i>	<i>22</i>

<i>И тешилось варварство</i>	<i>23</i>
<i>в мире господ</i>	<i>23</i>
<i>Фортуна, увы, здесь бессильна</i>	<i>24</i>
<i>Навстречу счастью</i>	<i>25</i>
<i>Надежда эпохи</i>	<i>26</i>
<i>Вперёд, пехота!</i>	<i>27</i>
<i>У монастырской стены</i>	<i>28</i>
<i>Великий реформатор</i>	<i>29</i>
<i>Древний ужас</i>	<i>30</i>
<i>Куклы как люди</i>	<i>31</i>
<i>Княгиня на теремной башне</i>	<i>32</i>
<i>Семейная идиллия</i>	<i>34</i>

Живописцы-современники

<i>Всё будет хорошо</i>	<i>35</i>
<i>Время выбрало нас</i>	<i>36</i>
<i>По велению сердца</i>	<i>37</i>
<i>Пётр и Феврония</i>	<i>38</i>
<i>Уголок моей России</i>	<i>39</i>
<i>Город юности нашей</i>	<i>40</i>
<i>По взорванной судьбе</i>	<i>41</i>
<i>Седьмая симфония Шостаковича</i>	<i>42</i>
<i>Даруйте веру</i>	<i>43</i>
<i>Диптих «Спасите души!»</i>	<i>44</i>

<i>Диптих. К 200-летию Лермонтова</i>	<i>. 45</i>
<i>Монолог школьного ранца</i>	<i>. 46</i>
<i>Поэт и Ужик</i>	<i>. 47</i>
<i>То ли сон, то ли явь.</i>	<i>. 48</i>
<i>Дух Студича</i>	<i>. 49</i>
<i>Зимняя история любви</i>	<i>. 50</i>
<i>Ожидание</i>	<i>. 51</i>
<i>Негайная встреча.</i>	<i>. 52</i>
<i>Вспоминаю</i>	<i>. 53</i>
<i>Белые звезды.</i>	<i>. 54</i>
<i>Символ чистоты</i>	<i>. 55</i>
<i>Весеннее торжество.</i>	<i>. 56</i>
<i>Пробуждение</i>	<i>. 57</i>
<i>Сиреневая нежность</i>	<i>. 58</i>
<i>Прощальный оркестр.</i>	<i>. 59</i>
<i>На озере</i>	<i>. 60</i>
<i>Хорошему коту и в феврале март</i>	<i>. 61</i>
<i>Весёлый танец</i>	<i>. 62</i>
<i>Чудо-яблонька</i>	<i>. 63</i>
<i>Прощальная песня</i>	<i>. 64</i>
<i>Зимнее солнце</i>	<i>. 65</i>
<i>Великие мастера живописи</i>	<i>. 66</i>
<i>Живописцы-современники</i>	<i>. 73</i>

Литературно-художественное издание

Татьяна Мажорина

*Мастерам рисунка
и кисти посвящается...*

Стихи

Сдано в набор 04.07.2019 г. Подписано к печати 1.08.2019 г.
Формат 700х1000/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4. Тираж 200 экз.
Заказ № 619.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.
<http://altair-rostov.ru/>